

УДК 130.2 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения)

МЕТАФИЗИКА КРИКА В ЗВУКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА XX В.

© 2023 М.В. Логинова

*Логинова Марина Васильевна, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов*

E-mail: marina919@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева
Саранск, Россия

Статья поступила в редакцию 06.03.2023

Становление метафизики XX века связано с ответом на вызовы современности, с постановкой проблем изменяющегося культурного контекста и новой картины мира. Крик как выражение человека привлекает внимание исследователей не только предельностью своей выразительности, но и тем, что принадлежит звуковой картине мира. Основным является онтологический подход в трактовке крика как формы выражения (экспрессии) человека, «точки» встречи бытия и человека посредством выразительности. Автор выстраивает логику анализа метафизики крика: определение звуковой картины мира как ценностно-смысловой модели и значения голоса как средства коммуникации; обоснование связи феномена крика с экспрессионизмом; анализ концептуальных подходов Ж. Делеза, Ж. Деррида, В. А. Подороги, М. М. Шемякина и др., определяющих крик как особое состояние человека в мире, выражающее напряженность перелома, излома, сдвига, деформации, остранения; выявление нарративного характера крика как становления выразительного смысла (серия «Крик», Э. Мунк), (серия «Кричащий папа», Ф. Бэкон); обоснование метафизики крика как молчания, в котором звук становится афоничным. Автор делает вывод, что в звуковой картине мира XX в. происходит смысловое схождение теории выразительности (экспрессии) и метафизики звука (голоса).

Ключевые слова: крик, метафизика, звуковая картина мира, выразительность, экспрессионизм

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-90-88-94

Введение. XX в. – век великих потрясений и революций – ушел в историю, оставив мощнейший культурный код своего бытия, нуждающийся в современной расшифровке. Более того, проблемное поле картины мира XX в. и место искусства в ней, несмотря на значительное количество исследований, посвященных этому феномену [2, 7, 10, 21, 23, 24, 27], по-прежнему предоставляет возможность использования намеченных эвристических подходов, методов, проблем, концептов и др.

В рамках данной статьи речь пойдет об одной из составляющих картины мира (звуковой картины мира), а точнее, о форме ее выражения – феномене крика, рассматриваемого не только в качестве метафоры для обозначения противоречивого XX в., но и принадлежащего «голосу, который представляет собой звуко-смысловой репрезентант человека в мире, непосредственно связанный с процессом создания осмысленной и связной речи, с формой ее экспрессивной (аффективной) выраженности и несущей в себе

вербальную <...> и невербальную <...> составляющие» [3, с. 567].

Звуковая картина мира является информационной, ценностно-символической моделью, представляющей собой систему звуков, определяемых историко-культурным контекстом, которые передают представления об окружающем мире и способах влияния на него. Голос обладает силой воздействия, посредством которой достигается коммуникативная связь с миром. «Феноменологический» голос, – считает Ж. Деррида, – обладает определенной властью, продолжая «говорить и <...> слушать себя – в отсутствии мира» [5, с. 27], способен откликаться на «зов бытия» (М. Хайдеггер), т.е. голос может передать понимание этого бытия и воздействовать на него, будучи связанным со звуком и его наполнением (интонацией), языком и речью в самом широком смысле слова, т.е. с «лингвистическим поворотом» философии, культуры и искусства XX в., который провозгласил Л. Витгенштейн.

Феномен крика как «бурное и мгновенное выражение аффекта в звуке» [13, с. 3] может изучаться в различных аспектах (искусствоведческом, философском, психологическом и др.). Считаем необходимым определить смысловые координаты данного исследования: во-первых, язык и речь являются не только основными проблемами философии XX в., но и формами артикуляции бытия и потому имеют онтологические основания, т.к. определение новых смыслов «укорененности» человека находит свое выражение, в т.ч. в искусстве; во-вторых, артикулированный звук бытия осуществляется посредством голоса и интонации, данных в нерасторжимом единстве; в-третьих, звуковая картина мира – составная часть картины мира, особенностью которой является диалектическое единство смысла и звука как включенности человеческого голоса в определенный культурный контекст [8, 9]; в-четвертых, идея метафизики, идущая от Платона до Хайдеггера, вбирает в себя достижения, возникающие в различных формах культуры на перекрестке различных смыслов, где крик – особое состояние человека в мире, способное выразить напряженность некоторого «перелома». Считаем необходимым отметить становление нового образа метафизики, вызванного кардинальными изменениями в философии и культуре XX в. и рассмотреть феномен крика в метафизическом значении.

Методология исследования базируется на признании первенства принципа онтологизма, позволяющего трактовать феномен крика в качестве одной из форм выражения (экспрессии) человека в мире и обозначающего его метафизическое присутствие, которую В.С. Степин называет «онтологией нового типа рациональности», учением о «человекоразмерных» системах, обладающих «синергетическим (“кооперативным”) эффектом» [14, с. 9]. Методологическое значение принципа онтологизма заключается в возможности широкой трактовки изучаемого феномена в единстве трех направлений исследования: предметная (феноменальная) определяет формы выражения человека в мире в многомерной модели культуры; функциональная акцентирует процессуальность и изменение смысла феномена крика; историчность вписывает изучаемый феномен в определенный культурный контекст. Обращение к современным проблемам искусства в исследовании Э.А. Радаевой [17], D. Jasquette [25] и эстетической проблематики Л.С. Кошелевой [26] и M. Šuvaković [28] позволяет нам определить

значение крика с метафизических позиций как условие бытия человека в мире.

История изучения феномена крика относится к XX в., признавшему серию работ Э. Мунка «Крик» не только квинтэссенцией «кричащего сознания», но и прототипом экспрессионизма, как отмечает английский эстетик Х. Осборн, не потому, что изображен кричащий человек, «а потому, что организация линий и масс оказалась настолько несовместимой с окружающей обстановкой, что крик выглядит психической патологией» [11, с. 100]. Мы предлагаем трактовать метафизику крика как символическое выражение неприятия/отторжения действительности и одновременно свободы непостижимого творчества.

Отметим, что связь экспрессионизма и феномена крика неоднократно отмечалась исследователями: Ж. Делёзом [4], В.А. Подорогой [13], Д.В. Сарабьяновым [15], Э.А. Радаевой [16], исходя из самой природы выразительности «присущей воздействию, сообщаемому формальной структурой цветовых отношений, линий и масс, или, в крайнем случае, необычным изображением сцен и обрывками воспоминаний» [11, с. 100], предугадывая новую поэтику излома, сдвига, деформации (но не трансформации). При изучении экспрессионизма в контексте искусства XX в. Х. Осборн пришел к выводу о противоречивом и неоднозначном характере данного феномена, т.к. «начиная от красивого общего термина, – отмечает исследователь, – <...> слово «экспрессионизм» стало употребляться в неопределенном смысле, означая «новое движение» в живописи...» [11, с. 102]. Значение философских оснований отмечает Д. В. Сарабьянов, т.к. единство экспрессионизма строится скорее на философской рефлексии, чем на стилистических особенностях, что выражается в желании «говорить громким голосом, а то и кричать» [15, с. 471].

Поиску философских оснований крика в искусстве посвящена одна из видеолекций в цикле М.М. Шемякина «Воображаемый музей», представленная в т.ч. на канале «Культура» (01.05.2013 г.). Феномен крика интересует художника как «апогей человеческой гримасы», способный передать целую гамму чувств: боль, отчаяние, ужас, мучение, ярость, «орущий рот», призыв. Художник иллюстрирует многообразие экспрессии крика примерами из истории изобразительного искусства, начиная от произведений традиционного искусства, средневековых витражей, известных работ П. Рубенса и Ф. Гойи, заканчивая работами художников XX в. (О.Н. Целкова, Ф. Бэкона

и М.М. Шемякина). Авторское видение философии крика М.М. Шемякиным оформляется в определении нарративности крика, представленной как серия повествований Э. Мунка (серия «Крик»), Ф. Бэкона (серия «Кричащий папа» – аллюзия на фильм «Броненосец Потемкин» С.М. Эйзенштейна) [20].

Результаты исследования. Нарративность связана с процессуальной природой крика как становления обнаженного смысла, «деланием» «видимым невидимого» (Ж. Делез). Сопоставляя экспрессию двух великих художников XX в. – А. Арто и Ф. Бэкона, Ж. Делёз приходит в выводу о единой для них концептуальной идее – «тело без органов – это плоть и нервы; его пронизывает волна, оставляющая пороги на своем пути; ощущение подобно встрече этой волны с действующими на тело Силами, “аффективному атлетизму”, крику-дыханию; отнесенное таким образом к телу, ощущение перестает быть репрезентативным и становится реальным; и, наконец, жестокость теряет связь с изображением чего-то ужасного и является отныне исключительным действием сил на тело, или ощущением <...>» [4, с. 59]. Здесь следует обратиться к исследованию В.А. Подороги «Феноменология тела. Введение в философскую антропологию», в котором определяется метафизическая природа крика у Арто. Здесь, как и у Ж. Делёза, экспрессия крика связана с новым пониманием «тела без органов»: «кто собирается кричать, – отмечает Подорога, – или издать единственный, но всепоглощающий крик, “находится” *внутри собственного тела, захваченный им и поработанный*. Крик Арто – это крик освобождения» [13, с. 89].

Крик – это освобождение от артикулируемых слов, сильной эмоции, аффекта, «истерии» (Ж. Делёз). Крича, человек освобождается от конкретных чувств, достигая метафизической чистоты выражения, данного само по себе, безотносительно к тому, кто кричит. Экспрессивная энергия крика приравнивает его к молчанию, в котором звук становится а-фоничным, «не средством для выражения аффекта, а самим аффектом» [там же, с. 90]. В этой точке анализа сходятся экспрессивность выражения (выразительное выражение) крика как безмолвия, которое может быть услышано и имеет смысл для воспринимающего «разрушительной, обнажающей быстротой внезапного удара» [там же, с. 318]. О «безусловной» точке зрения воспринимающего

относительно скульптуры А. Джакометти рассуждает М. Бланшо: «это точка, откуда мы видим их несводимыми, помещающими нас самих в бесконечное, есть точка, где “вот тут” совпадает с “нигде” [1, с. 42]. С.М. Эйзенштейн, творчество которого не раз становилось предметом анализа (как экспериментатора с выразительной формой), дает краткое и емкое определение «выразительное – “разящее” – воздействующее» [22, с. 321], «чем очищенное от случайного – тем выразительнее» [там же, с. 322]».

Акцентируем, что метафизика крика в контексте картины мира XX в. связана с проблемой экспрессионизма, понимаемого, во-первых, как передача *напряженного* состояния человека; во-вторых, «заражение» зрителей посредством выразительной формы, что может быть объяснено установкой на понимание природы искусства как мимезиса (воспроизведение иной реальности по отношению к действительной).

Однако природа выразительности заключается не только в экспрессивном способе внешней передачи субъективных состояний (желаний, эмоций, разочарований), но и в устремлении во внутреннее погружение, в безмятежность и единение с природой. Интерес к внутренней составляющей выразительности находим у русских авангардистов. О «внутренней вибрации» абстракционизма рассуждает В.В. Кандинский [6], экспрессивность «звуковых масс» К.С. Малевича объясняется «звучностью» поэтического языка [18, с. 292]. Подчеркнем понимание выразительности как «экспрессионистской коцепции», «выявление глубинного смысла или скрытых элементов, следовательно, как движение изнутри вовне» (в теории П. Пави [12, с. 47]). Экспрессивность крика, таким образом, может проявляться, во-первых, в форме внешнего выражения как уподобление жизненной силе, и, во-вторых, как погружение экспрессии в сферу «чистых» выражений (экспликация в молчание), т.е. «нужно навязать безмолвие, если мы хотим <...> быть услышанным» [1, с. 42].

В процессе поисков новой выразительности (форм, способов, презентаций) авангард произвел замену категориальной пары «форма – содержание» диалектическим единством категорий «материал – прием». Особенностью художественного приема является то, что он «технически» перерабатывает реальность, изменяя ее, превращая в реальность иного порядка (интенциональную,

феноменальную и др.). Таким образом, прием – это техническая процедура по изменению материала, его переработке и композиционной модификации, происходящих по принципу монтажности. Эта категориальная замена, безусловно, имела мировоззренческие последствия, которые выражались в том, что в художественном творчестве особое место стала занимать аналитическая рефлексия, а самопрезентация приема как «деланности» художественного произведения привели к формированию новой картины мира, в которой подлинная действительность стала модифицироваться в иную реальность. Новая картина мира через обнажение технической составляющей позволила генерировать новые смыслы, извлекать их из материала (голоса, интонации, линий, красок и т.д.). Превращение приемов переработки материала стало смыслоносным в том плане, что формировало новые смыслы. За этими изменениями стоял экзистенциальный страх человека перед неведомым, перед творимым миром, лишенным определенности и однозначности трактовок. Картина мира в рефлексии художественной оптики стала многомерной и противоречивой, а для восприятия человека – непривычной и неуловимо-расплывчатой. Таким образом, через отказ от мимезиса в искусстве происходит становление нового смысла бытия и переход от визуальной картины мира к звуковой.

Именно в этих условиях формируется метафизика крика (смеха, плача и др.) как способ выражения человека в этом мире, способности определить через звук (голос или его отсутствие) свое местонахождение в нем. Освобождение от наличного бытия в художественном творчестве

посредством приема как смысла приводит к тому, что «выразительность в искусстве ценна сама по себе, невзирая на качество того, что выражается» [11, с. 99]. Таким образом, в картине мира XX в. происходит смысловое схождение теории выразительности (экспрессии) и метафизики звука (голоса), представленной, в том числе, метафизикой крика как наивысшей степени выражения (экспрессии) по поводу реальности (обнажение реальности). За «обнажением» реальности стоит великий эксперимент по созданию «остраненного объекта» как «радикальной демотивации и освобождения от контекста, поскольку исчезают как Я, так и иконографическая программа в качестве внехудожественных детерминант» [19, с. 69].

Выводы. Крик, подобно другим составляющим звуковой картины мира, обладает полифункциональностью, независимо от того, выражается ли он через слово или его отсутствие («кричащее молчание» / «немота крика»). Отметим связь крика и выражений как «знаков, которые «хотят сказать», которые «означают»» [5, с. 47], выражение крика – это смыслопорождение, существующее для коммуникации. Крик интенсивен не только по выразительности голоса, но интенционально направлен на то, чтобы быть услышанным. «Голос есть бытие, – заключает Деррида, – которое обнаруживает свое самоприсутствие в форме всеобщности, как со-знание, голос есть со-знание» [5, с. 106]. Выражение крика посредством голоса (или его отсутствия) фиксирует точку встречи бытия и человека, приобретая метафизическое звучание, выражая внутреннюю сущность этой встречи.

1. Бланшо, М. Пространство литературы [Текст]: монография / пер. с фр. В. П. Большаков [и др.]. – М.: Логос, 2022. – 288 с.
2. Бычков, В. В., Маньковская, Н. Б. Художественность как метафизическое основание эстетического опыта и критерий определения подлинности искусства // Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 43. – № 1. – С. 220–241.
3. Григорьев, А. А. Голос // Теоретическая культурология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. – С. 567–572.
4. Делёз, Ж. Фрэнсис Бэкон. Логика ощущения [Текст]: монография. – СПб.: Machina, 2011 – 176 с.
5. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля [Текст]: монография. – СПб.: Алетейя, 1999. – 208 с.
6. Кандинский, В. В. О духовном в искусстве [Текст]: монография. – М.: Азбука, 2022. – 288 с.
7. Кривцун, О. А. Антропологическая интерпретация неклассического искусства // Сфера культуры. – 2020. – № 1. – С. 13–29.
8. Логинова, М. В. Метафора молчания в современной культуре: теоретический аспект // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки, 2018. – № 4. – С. 111–117.
9. Логинова, М. В. Звучание как проблема философии искусства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. вопросы теории и практики. – 2016. – № 4 (66). – С. 101–103.
10. Мальцева, Е. А. Художественный образ как результат отражения и конструирования реальности // Обсерватория культуры. – 2020. – № 17(1). – С. 6–25.

11. Осборн, Х. Современное искусство // Современная западноевропейская и американская эстетика [Текст]: сб. пер. / под ред. Е.Г. Яковлева. – М.: Университет, 2002. – С. 97–112.
12. Пави, П. Словарь театра [Текст]. – М.: Прогресс, 1991. – 504 с.
13. Подорога В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию [Текст]: монография. – М.: Ad Marginem, 1995. – 341 с.
14. Постнеклассические практики: опыт концептуализации [Текст] : монография. – СПб.: Миръ, 2012. – 536 с.
15. Сарабьянов, Д. В. В ожидании экспрессионизма и рядом с ним // Искусствознание. – 2002. – № 2. – С. 471–480.
16. Радаева, Э. А. Экспрессионизм как поэзия и поэтика крика в повести Томаса Бернхарда «Подвал» // Научный журнал «Austria-science». – 2017. – № 6. – С. 44–47.
17. Радаева, Э. А. Традиции экспрессионизма в современном мировом изобразительном искусстве // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24. – №82. – С. 79–86.
18. Ханзен-Лёве, О. А. Интермедальность в русской культуре: от символизма к авангарду [Текст]: монография. – М.: РГГУ, 2016. – 504 с.
19. Ханзен-Лёве, О. А. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения [Текст]: монография. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 672 с.
20. Шемякин, М. М. Воображаемый музей М. Шемякина. Крик в искусстве [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/video101593261_169719357 (дата обращения 01.03.2023).
21. Шмелева, Н. В. О критериях современного искусства: культурологический подход // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 45. – С. 172–183.
22. Эйзенштейн, С. М. Психологические вопросы искусства [Текст]: монография / под ред. Е.Я. Басина. – М.: Смысл, 2022. – 335 с.
23. Bulatov, D. The Art as the Conjectured Possible // Russian Studies in Philosophy. – 2019. – Vol 57 (2). – P. 182–201
24. Dukhan, I. Controversies and Transfigurations: Views on Russian Twentieth-Century Arts and Architecture // Art in Translation, 2016. – Vol. 8. – P. 129–136.
25. Jacqueline, D. Art, Expression, Perception and Intentionality // Journal of Aesthetics and Phenomenology. – 2014. – Vol. 1. – P. 63–90.
26. Kosheleva, L. S. The Aesthetics of «The World of Art» // Russian studies in philosophy. – 2015. – Vol. 53. – №1. – P. 72–86.
27. Smirnov, A. V. «Big Culture» and Cogito // Russian Studies in Philosophy. – 2020. – Vol 58(6) – P. 457–466.
28. Šuvaković, M. Aesthetics relation between art, culture, politics: social turn // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки, 2016. – Т. 11. – №3(155). – С. 50–56.

METAPHYSICS OF THE SCREAM IN THE SOUND PICTURE OF THE WORLD OF THE TWENTIETH CENTURY

© 2023 M.V. Loginova

*Marina V. Loginova, Doctor of Philosophy, Professor,
Head of Chair of Cultural Studies and Library and Information Resources*

E-mail: marina919@mail.ru

**National Research Mordovia State University
Saransk, Russia**

The formation of metaphysics in the twentieth century is associated with the response to the challenges of modernity, with the posing of problems of changing cultural context and the new picture of the world. Scream as a human expression attracts researchers' attention not only by the limit of its expressiveness, but also by the fact that it belongs to the sound picture of the world. The ontological approach in treating the scream as a form of human expression, a "point" of the meeting of being and man through expressiveness, is the main one. The author builds the logic of the analysis of the metaphysics of the cry: the definition of the sound picture of the world as a value-semantic model and the meaning of the voice as a means of communication; the substantiation of the connection of the phenomenon of the cry with expressionism; the analysis of the conceptual approaches of J. Deleuze, J. Derrida, V.A. Podoroga, M.M. Shemyakin, etc, defining the scream as a special human condition in the world, expressing the tension of fracture, break, shift, deformation, defamiliarization; revealing the narrative nature of the scream as the formation of expressive meaning (series "Scream", E. Munch), (series "Screaming Dad", F. Bacon); justifying the metaphysics of the scream as silence, in which sound becomes

aphonic. The author concludes that in the sound picture of the world of the twentieth century there is a semantic convergence of the theory of expressiveness (expression) and the metaphysics of sound (voice).

Keywords: scream, metaphysics, sound picture of the world, expressiveness, expressionism

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-90-88-94

1. Blansho, M. Prostranstvo literatury` [Tekst]: monografiya (The Space of Literature) / per. s fr. V. P. Bol'shakov [i dr.]. – M.: Logos, 2022. – 288 s.
2. By`chkov, V. V., Man`kovskaya N. B. Xudozhestvennost` kak metafizicheskoe osnovanie e`steticheskogo opy`ta i kriterij opredeleniya podlinnosti iskusstva (Artisticity as a metaphysical basis of aesthetic experience and the criterion for determining the authenticity of art) // Vestnik slavyanskix kul'tur. – 2017. – T. 43. – №1. – S. 220–241.
3. Grigor`ev, A. A. Golos (Voice) // Teoreticheskaya kul'turologiya. – M.: Akademicheskij Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2005. – S. 567–572.
4. Delyoz, Zh. Fre`nsis Be`kon. Logika oshhushheniya [Tekst]: monografiya (Francis Bacon, The Logic of Feeling). – SPb.: Machina, 2011 – 176 s.
5. Derrida, Zh. Golos i fenomen i drugie raboty` po teorii znaka Gusserlya [Tekst]: monografiya (Voice and Phenomenon and Other Works on Husserl's Sign Theory). – SPb.: Aletejya, 1999. – 208 s.
6. Kandinskij, V. V. O duxovnom v iskusstve [Tekst]: monografiya (On the Spiritual in Art). – M.: Azbuka, 2022. – 288 s.
7. Krivczun, O. A. Antropologicheskaya interpretaciya neklassicheskogo iskusstva (Anthropological interpretation of non-classical art) // Sfera kul'tury`. – 2020. – №1. – S. 13–29.
8. Loginova, M. V. Metafora molchaniya v sovremennoj kul'ture: teoreticheskij aspekt (Metaphor of silence in modern culture: theoretical aspect) // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarny`e i social'ny`e nauki. – 2018. – № 4. – S. 111–117.
9. Loginova, M. V. Zvuchanie kak problema filosofii iskusstva (Sounding as a problem of philosophy of art) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. voprosy` teorii i praktiki. – 2016. – № 4 (66). – S. 101–103.
10. Mal`ceva, E. A. Xudozhestvenny`j obraz kak rezul'tat otrazheniya i konstruirovaniya real`nosti (Artistic image as a result of reflection and construction of reality) // Observatoriya kul'tury`. – 2020. – №17 (1). – S. 6–25.
11. Osborn, X. Sovremennoe iskusstvo // Sovremennaya zapadnoevropejskaya i amerikanskaya e`stetika [Tekst] (Modern art): sb. per. / pod red. E.G. Yakovleva. – M.: Universitet, 2002. – S. 97–112.
12. Pavi, P. Slovar` teatra [Tekst] (Dictionary of Theater). – M.: Progress, 1991. – 504 s.
13. Podoroga, V. A. Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu [Tekst]: monografiya (Phenomenology of the Body. Introduction to Philosophical Anthropology). – M.: Ad Marginem, 1995. – 341 s.
14. Postneklassicheskie praktiki: opy`t konceptualizacii [Tekst]: monografiya (Post-non-classical practices: the experience of conceptualization). – SPb.: Mir`, 2012. – 536 s.
15. Sarab`yanov, D. V. V ozhidanii e`kspressionizma i ryadom s nim (In Expectation of Expressionism and Next to It) // Iskusstvovedenie. – 2002. – № 2. – S. 471–480.
16. Radaeva, E`. A. E`kspressionizm kak poe`ziya i poe`tika krika v povesti Tomasa Bernxarda «Podval» (Expressionism as poetry and poetics of the cry in the story of Thomas Bernhardt "Cellar") // Nauchny`j zhurnal «Austria-science». – 2017. – № 6. – S. 44–47.
17. Radaeva, E`. A. Tradicii e`kspressionizma v sovremenom mirovom izobrazitel`nom iskusstve (Expressionist traditions in modern world fine art) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'ny`e, gumanitarny`e, mediko-biologicheskie nauki. – 2022. – T. 24. – №82. – S. 79–86.
18. Xanzen-Lyove, O. A. Intermedial`nost` v russkoj kul'ture: ot simvolizma k avangardu [Tekst]: monografiya (Intermediality in Russian culture: from symbolism to the avant-garde). – M.: RGGU, 2016. – 504 s.
19. Xanzen-Lyove, O. A. Russkij formalizm: Metodologicheskaya rekonstrukciya razvitiya na osnove principa ostraneniya [Tekst]: monografiya (Russian formalism: Methodological reconstruction of development on the basis of the principle of defamiliarization). – M.: Yazy`ki russkoj kul'tury`, 2001. – 672 s.
20. Shemyakin, M. M. Voobrazhaemy`j muzej M. Shemyakina. Krik v iskusstve (Imaginary Museum of M. Shemyakin. Shout in art) [Elektronny`j resurs]. – URL: https://vk.com/video101593261_169719357 (data obrashheniya: 01.03.2023).
21. Shmeleva, N. V. O kriteriyax sovremennogo iskusstva: kul'turologicheskij podxod (On the criteria of contemporary art: a culturological approach) // Vestn. Tom. gos. un-ta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie. – 2022. – № 45. – S. 172–183.
22. E`jzenshtejn, S. M. Psixologicheskie voprosy` iskusstva [Tekst]: monografiya (Psychological issues of art) / pod red. E.Ya. Basina. – M.: Smy`sl, 2022. – 335 s.
23. Bulatov, D. The Art as the Conjectured Possible // Russian Studies in Philosophy. – 2019. – Vol 57 (2). – P. 182–201
24. Dukhan, I. Controversies and Transfigurations: Views on Russian Twentieth-Century Arts and Architecture // Art in Translation, 2016. – Vol. 8. – P. 129–136.
25. Jacqueline, D. Art, Expression, Perception and Intentionality // Journal of Aesthetics and Phenomenology. – 2014. – Vol. 1. – P. 63–90.

26. Kosheleva, L. S. The Aesthetics of «The World of Art» // Russian studies in philosophy. – 2015. – Vol. 53. – N. 1. – P. 72–86.
27. Smirnov, A. V. «Big Culture» and Cogito // Russian Studies in Philosophy – 2020. – Vol 58(6). – P. 457–466.
28. Šuvaković, M. Aesthetics relation between art, culture, politics: social turn // Aesthetics relation between art, culture, politics: social turn // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvenny'e nauki, 2016. – T.11. – №3 (155). – S. 50–56.